

**Памяти Александра Михайловича
Кнебелева, который во всем этом
пытался отыскать нечто светлое.**

* * *

*Общество жаждет
Лишь твоей плоти,
Но этого мало.
Плиты провалы,
плиты провалы.
Томные взгляды под одеялом
Светятся алым.
Плиты провалы,
Плитопровалы.
Ругают тебя,
Зарывая в канаву,
В плитопровале
Плоти кровавых,
Юродивых, жалких,
Такие подарки
Зальются бетоном
Без чести и славы.
Плиты провалы
Плиты провалы,
Путь одинокий
Той, что рожала
Ублюдкам.*

Кричала Им вслед
«Подавитесь Провалом,
Провалитесь плитой...
Подо мной одеялом
Плита от надгробья
Не треснет.
Саван
Вас не спасет
От тех, чей дьявол
Ступает по этой земле.
Плитопровальная пропасть
Во мне.

Пролог

Сутулая женщина, завернутая в разноцветные рваные платки, больше похожие на истрепанную ветошь, шла по извилистой горной тропе. Перед ней простирались лишь заостренные каменные богатые, воткнутые снежными шапками в небесную длань. Из-за обилия тряпья на ее теле даже вблизи невозможно было сказать, что девушка в лоне своем донашивала плод. Округлость ее живота была спрятана в лохмотьях.

Прильнув губами к горному ручью на каменном изгибе, женщина внезапно почувствовала, как некий молот колотится в ее внутренностях. Она ощутила единичный удар, от которого сосуды в глазах полопались, словно трубки, наполненные ртутным паром.

В следующую секунду стало так больно, что небо над ее головой обернулось клубами черного дыма, снежные вершины налились кроваво-бордовым цветом, а ручей превратился в поток раскаленной добела лавы.

Отмучавшись несколько последних

часов на холодной каменистой поверхности, женщина родила девочку, лица которой так и не увидела, а затем умерла.

Часть I . Психоаналитик

Сверхсознание

Валерий Владимирович тщательно намывливал руки над раковиной. Из хромированного крана плотной струей лилась горячая вода. Валерию Владимировичу нравилось, когда вода обжигала. Засунешь обе ладони под этот исходящий паром поток и прикусываешь губу, отсчитывая секунды. Максимум три, а потом вспышки перед глазами и приятное покалывание под ногтями и на изгибе кистей.

День у него выдался тяжелым из-за большого количества капризных пациентов. Кроме того, невыносимо жаркая погода, томящая духота и скверное настроение, оккупировавшее разум сразу же после пробуждения в мокрых от пота простынях.

Но Валерий Владимирович работал психологом, а поэтому не имел права поделиться своими мрачными мыслями с искалеченными посетителями его спартанского кабинета.

Чудные люди ежедневно посещали

Валерия Владимировича и доносили ему свои странные идеи. Он в ответ кивал головой, писал что-то в своем блокноте, доставал карточки с примитивными рисунками и с помощью аналогий и символов пытался выдумать историю, из-за которой пути посетителя должны были вновь привести его к нему.

Вчера — грузная женщина примерно пятидесяти лет. Ей кажется, что муж вскоре зарубит топором внуков. Она тревожно рассказывает об этом, мечась взглядом по крохотному кабинету. Говорит, что не спит ночами и прислушивается к храпу подаренного ей судьбой человека. А потом она идет на кухню и ломает ножи, чтобы затем выкинуть их в мусоропровод. Утром муж морщит лоб и, что-то ворча себе под нос, отламывает куски черного хлеба прямо от нетронутой сухой буханки. Ссыпая крошки в ладонь со стола, он зло смотрит на двух близняшек, несущих домой хорошие оценки в дневниках. А она вопрошает, как же мне точно знать, не возьмет ли он камень или табуретку и не стукнет ли по головке маленькое создание? Сначала одно. Потом второе. Ведь он может. Все потому, что

защищал родину на самых далеких ее окраинах и там его били без всякой мотивации. Закаляли сталь, как он частенько говорил пьяный. Отсюда и опасности. Сидит взволнованная женщина, вся сотрясаемая самыми противоречивыми чувствами, и рассказывает Валерию Владимировичу, что уже надо бежать, потому что ровно в шесть вечера вернется муж и нужно будет следить за ним. И за детьми. Махнув рукой, она собирается впопыхах и убегает. Слышен только цокот ее каблучков на лестничном пролете.

Или позавчера — парень в строгом деловом костюме. Двадцать один год. Мечтает открыть свой банк с броской вывеской сразу после окончания университета. Он считает, что его грязными помыслами в отношении старшей сестры самолично заведует Дьявол. Но ничего не может с собой сделать. Разве что неестественная форма удовлетворения полового влечения ослабит его желание на несколько часов, а потом опять. Рассказывает, как пытался жить в одиночестве и спать с красивыми девушками, которым только-только

разрешили совершать акты близости. Но перед глазами — одна лишь сестра. Ее грудь под потоками воды и в белой, словно зефирный мусс, пене, алые губы и глаза такого цвета, какой бывает волна возле побережья холодного Балтийского моря. Он хочет целовать тело сестры и выражать свою любовь физиологически. Грешно, молодой человек. Очень грешно. Надо подавлять такие желания. Химически или силой воли. Валерий Владимирович пока что не знает, что следует прописать этому мальчишке, не способному обуздать собственную страсть.

На прошлой неделе — мужчина. Человек семейный и увлеченный компьютерным проектированием. Считает, что его конкуренты используют психотеррористические методы борьбы с его небольшой фирмой. Хочет набрать бензина в пустую бутылку из-под минералки и жечь их машины. Или взять потертый и пропахший порохом карабин его покойного отца, чтобы стрелять в жен и детей, охочих до чужих способов выживания. Они подгоняют под его двери микроавтобусы с излучателями. Потом умудряются среди ночи внедрять свои

нанотехнологические жучки под обои. Приходится брать спальный мешок и под тиканье настенных часов засыпать в офисе. Просыпаться каждый час и совершать окружные обходы. Но ведь это не так? Всего лишь мания, навеянная часами, проведенными в киберпространстве?

«Мания», — говорит ему Валерий Владимирович. И работает с мысленными потоками человека. Поворачивает их, как группа инженеров-энтузиастов загоняет в обратные направления гигантскую рябь течений.

Люди посещали Валеру с некой закономерной периодичностью, над которой психолог долго размышлял. Однажды перед сном он даже пришел к выводу, что существует набор демонов, которые просыпаются строго в определенные времена года и начинают обволакивать своими метафизическими щупальцами слабых. Позже он и вовсе решил, что непременно возьмется за чтение всяких старых текстов, в которых герои мистических кинофильмов ищут ответы на все вопросы. Но реальность была такова, что консультирующий десятки пациентов не

смог осилить даже Библию.

Случалось, что, оплатив в кассе у неразговорчивого консультанта визит, люди приходили единожды. Что-то бормотали, пугались собственной сути и, смущенно попросившись, бежали прочь, будто бы ошиблись номером и совершили опрометчивый поступок.

Возможно, это было неким кощунством или же обычным жизненным укладом, но во времена своего студенчества, когда Валера посвящался в таинства психологии, его будущая работа казалась более привлекательной. Но психика людей, с которой он сталкивался на протяжении всех этих лет, не была чем-то творческим, экспериментальным, не была пронизана вождеденным эзотеризмом, который он время от времени пытался во всем этом открыть. В его абстрактных видениях работа казалась ржавым механизмом на шестеренках, по бокам которых вольготно проживал сырой мох навязанного свыше мнения.

В дверь осторожно постучались. Перед тем как сказать «да» или просто пойти и открыть ее, Валера набрал полные легкие

воздуха, будто готовился сказать длинную речь. Быть может, это была уборщица или коллега из его консультационного центра. Однако неведомым чутьем психолог уже догадался, что под конец рабочего дня к нему нагрянул очередной пациент. Внеплановый.

Несмотря на строгий учет, Валера таким не отказывал в надежде, что рука боязливо протянет ему конвертик с незаконным вознаграждением.

— Войдите, — монотонно и без всякого энтузиазма произнес Валера. Взору его предстала девушка лет двадцати, с темными вьющимися каштановыми волосами и голубыми, как арктический лед на детских рисунках, глазами.

— Здравствуйте. Вы Валерий Владимирович? — застенчиво поинтересовалась девушка. Психолог в ответ лениво кивнул головой и рукой указал на стул, поставленный строго напротив него. В кабинете, кроме стола, двух стульев и полок с бумагами, еще находилась койка. Некоторые клиенты, лежа на ней, бессознательно изливали душу специалисту. Валера же подавлял в себе желание гладить

своих посетителей по голове и допускать акты некоторой излишней близости.

— Меня зовут Милена. Мама пьяная часто говорила, что в честь миллениума и конца всего... — произнесла девушка и, робко улыбнувшись, подошла к столу. Валера испытал прилив теплоты. Сердце его принялось отбивать скоростной ритм, а ладони покрылись микроскопическими капельками пота. Милена, усевшись поудобнее, посмотрела Валере прямо в глаза, слегка подавшись вперед. Валере показалось, что сейчас она схватит его за галстук и своим ртом вопьется в его щетину и прогрызет щеку насквозь.

Чаще всего пациенты были напуганными людьми и оттого никогда не смотрели врачу в глаза. Сейчас же дело обстояло с точностью до наоборот.

— Что у вас? — нетактично и неуверенным голосом произнес Валера. Ему стало немного стыдно после грубо брошенного вопроса, и он принялся водить ручкой по листу бумаги, который специально приготовил для игр на ассоциативное мышление.

— Сублимируете? — заигрывающе

спросила девушка, глядя на руку психолога. Валера строго на нее посмотрел и сделал вид, что сказанное слово было шуткой, хотя про себя мимоходом подумал, что она слишком много знает. А потому становится опасной для него.

— Ничего. Я просто хотела сказать, что мне не дает покоя постоянное ощущение того, что я каждый раз завершаю жизнь самоубийством. — После этих ее слов психолог, возможно, демонстративно, принялся записывать сказанное на изрисованный лист бумаги. Наморщив лоб, он всем своим видом пытался показать авторитетную заинтересованность.

Девушка замолчала. Украдкой она поглядывала на записи Валеры. Его корявый почерк на белом листе ее раззадоривал.

— Продолжайте говорить, — сухо произнес психолог, не поворачиваясь лицом к девушке.

— Ну вот, я каждый раз заканчиваю жизнь самоубийством и понимаю, что это ничего не меняет, — после ее слов наступила небольшая пауза. — Вот, в общем-то, и все, что я хотела вам сказать, уважаемый Валерий Владимирович.

— То есть вы хотите сказать, что у вас были попытки самоубийства и они ничего не меняют в вашей жизни? — серьезно спросил психолог и посмотрел на улыбающуюся девушку. Она в ответ рассмеялась.

— Нет, вы не совсем меня поняли, Валерий Владимирович. Я завершаю свою жизнь самоубийством, но в ней ничего не меняется. — Девушка с усмешкой смотрела на немного смущенного из-за ее витиеватых формулировок психолога.

— Так вы говорите, что завершали жизнь самоубийством. Но, по всей видимости, вы сами себе это придумали, потому что ваше физическое тело... — он указал рукой на нее. — Собственно, вы сейчас присутствуете здесь и говорите со мной, значит, надо полагать, что в данный момент вы живы и находитесь в сознании, пускай оно несколько иначе воспринимает мир...

— Нет, я немного не это имела в виду. Точнее, совсем не это, — Милена закрыла глаза и, ухмыльнувшись, продолжила. — Я хотела сказать, что то, что вокруг меня сейчас происходит — оно нереально. Я

думаю, что даже вас сейчас не существует. А все потому? что я убила себя, но ничего не изменилось. А то, что сейчас происходит? — это лишь остаточная реальность, которую я сама себе выдумала и строю ее? как хочу. Как будто книга судьбы раскрыта передо мной, и я на ходу туда пишу то, что хочу, — произнесла это, девушка убрала со лба копну темных волос.

— На самом деле то, что вы сейчас говорите, не соответствует реальности. Потому что, скорее всего, ваши слова являются фантазией и не более. Вы сами усложняете себе жизнь, накручиваете, — Валера старался говорить общо, потому что его системный рабочий день закончился. Сейчас ему хотелось одного — поскорее прийти домой и, упав на диван, посмотреть ненавязчивое глупое кино для разгрузки мозга. Несмотря на то, что случай девушки показался ему изначально интересным, в этот вечер он был не совсем готов с ним разбираться на глубинных уровнях. Валера, было, хотел предложить встретиться завтра в неформальной обстановке, как девушка внезапно произнесла:

— Ладно, Валерий Владимирович. Я

вижу, вы сегодня устали! Я приду в следующий раз, а пока можете обо всем забыть.

Смущенный психолог лишь успел кивнуть головой, но Милена этого не увидела, так как резко выскочила за дверь, будто бы сильно куда-то спешила. Прокрутив в памяти произошедшее, Валера встал из-за стола и накинул на себя легкое пальто. В голове его родилось предположение, что эта девушка на удивление тонко чувствует мысли чужих людей — а значит, она особенная. На мгновение он даже подумал, что вдруг она на самом деле уже видит расписанным свое будущее? Но не настроенный на эзотерические рассуждения, он отсек эти фантастические идеи и вышел из кабинета.

Ради интереса Валера решил спуститься к кассе на первом этаже здания, где обычно люди регистрировали и оплачивали услуги психологической помощи. За кассовым аппаратом сидела Марта Васильевна — добродушная женщина средних лет, напоминающая героиню ситуативных социальных драм. Когда Валера подходил к ней, она что-то увлеченно читала,

уоставившись в мерцающий монитор старого компьютера.

— Марта Васильевна, еще раз здравствуйте!

— Добрый вечер, Валера! Чего домой не идете? Или уже идете? — ответила Марта Васильевна, не глядя на покидающего работу психолога.

— Да вот уже собираюсь! Хотел у вас спросить фамилию девушки, которая сейчас ко мне заходила на прием, с каштановыми волосами такая... Имя редкое — Милена, — произнес Валера. Марта Васильевна оторвала взгляд от монитора и удивленно посмотрела на него.

— Да не заходил вроде никто, вы уже заработались, наверное. Последние минут сорок точно никто не заходил. Выходили только, но девушек среди них я не припомню. Все — ваши коллеги.

— Ясно. Спасибо! — Валера не стал вдаваться в подробности и сделал вид, что ничего такого не произошло. То, что сказала увлеченная очередной мыльной оперой кассир, означало только одно — девушка зашла к нему без всякой очереди и записи да еще и мимо центрального входа. Вышла

наверняка так же.

Вскоре психолог поехал домой, крепко держа черный руль автомобиля. Даже ненавязчивая музыка вечернего радио не могла отвлечь Валеру от раздумий, откуда эта девушка могла знать его по имени и отчеству. По пути домой он иногда перестраивался из одного ряда в другой, периодически сигналил хамоватым автомобилистам и старался внимательно следить за дорогой. Но отвлечься от размышлений про судьбу Милены так и не смог.

Приехав домой на окраину большого города, утыканную клонированными многоэтажными домами и замкнутую широкой кольцевой дорогой с вечным шумом, он зашел в подъезд, где в нос тут же ударил острый запах разбросанной по углам хлорной извести. Пройдя мимо сломанного лифта, исписанного черным маркером, он поднялся на четвертый этаж и открыл два замка своей двери. Не разуваясь, Валера прошел на крохотную кухню, где три человека уже чувствовали себя в тесноте и, открыв скрипучую дверцу жужжащего холодильника, достал из него тарелку с

заранее приготовленной едой. Сняв обувь, он направился по скрипучему полу узкого темного коридора в единственную комнату. Прильнув к дивану, Валера включил телевизор. Показывали сюжет про самоубийц. Мелькали наспех нарезанные кадры из домашней хроники девушек, которые недавно свели счеты с собой. Мужчина вслушивался в слова.

«Одной из спрыгнувших с 10-этажного дома девушек была уроженка Приморского края России, которая вместе с семьей приехала в 2006 году в Беларусь и получила вид на жительство», — сообщили в прокуратуре. Там уточнили, что она училась в одном из университетов Витебска. Вторая девушка, которая спрыгнула с крыши, была учащейся одного из городских училищ».

— Родителей жалко... — произнес Валера вслух и включил музыкальный канал.

Через несколько месяцев будничной работы Валера уже и позабыл о той странной девушке, которая однажды к нему заглянула. По долгу службы он, конечно же, периодически встречал людей, которые пытались досрочно завершить свой жизненный путь, но те не выглядели

жизнерадостными и улыбающимися, коей была загадочная Милена. Те люди напоминали затравленных едким газом истасканных дезертиров, которые ходили по расстрельным коридорам и озирались на каждый шорох.

В один из вечеров, когда Валера укладывал в нижний ящик стола нужные бумаги и письменные принадлежности, в дверь постучали. Стук показался ему слишком знакомым и от этого таинственным. Было уже почти семь вечера, и Валера на своем рабочем месте задержался по личным делам, а поэтому гостей не ждал. Он, было, подумал, что кто-то просто ошибся кабинетом, но предчувствие подсказывало, что здесь происходят не совсем внятные вещи, ибо уборщица делала несколько грубых ударов кулаком, а потом безо всяких приглашений открывала деревянную дверь кабинета. Тут же его ждал незванный гость.

Он сказал нетвердое «да», и в кабинет вошла девушка. Высокого роста, с блестящими русыми волосами и зелеными, как у кошки, глазами.

— Здравствуйте Валерий

Владимирович. Меня зовут Милена, в честь Миллениума. Но я вам уже рассказывала. — Валера удивился и от смятения уронил ручку на пол.

— Видите? Ничего ведь не меняется...

— Произнесла девушка, горько и безнадежно рассмеявшись.

Огонь горит ярко

Валера попытался было собраться и волевым усилием прекратить душевные метания, но вьедливый смех девушки настолько его впечатлил, что весь мысленный поток обернулся тотальным смятением. В сознании его наступил полный вакуум, а разум будто бы отформатировался и перезапустился. На какое-то время Валера почувствовал себя маленьким ребенком, запущенным в агрессивную среду злобных взрослых.

— Скажите... — хотел спросить Валера, но после первого слова ощутил, что испытывает невероятное состояние, когда сказать в общем-то нечего.

— Ничего страшного, Валера, я скоро уйду. Найди меня, пожалуйста, — голос девушки наполнился обреченностью, и она вышла из кабинета, аккуратно закрыв за собой дверь. Никаких шагов и посторонних звуков. Никаких теней. Только замершие стрелки часов. Ветра нет. Кажется, даже солнечный свет был искусственным, словно от лампы, от тысячи ламп, но не от звезды. Все вокруг будто бы обернулось

пластиковым, безвкусным, ненатуральным и противоестественным. Валера тяжело сглотнул.

Преодолевая страх, он встал из-за стола и, замерев, вновь попытался прислушаться. Но в ответ — тишина. Мир вокруг словно омертвел. Когда Валера приоткрыл скрипучую дверь, демонстрирующую его взору хорошо освещенный коридор, то не застал там ничего необычного. Кроме фальши. И незримого следа девушки, появившейся из пустоты и в эту же пустоту погрузившуюся. Кажется, он мог ощущать ее и, закрыв глаза, брести сквозь стены и необозримые лабиринты.

Спускаясь вниз по крутой бетонной лестнице, Валера наткнулся на уборщицу, которая в ответ на его странноватые вопросы лишь покачала головой и в очередной раз заверила, что происходит что-то неладное. Уборщица распространяла противную злость. Валере казалось, что если он прикоснется к ней, то кожу его начнет окутывать черная несмываемая слизь. От страха превратиться в твердый кокон он вжался в угол коридора. Уборщица, выпрямившись, сверлила его взглядом.

Швабра в ее руках была неким жезлом, с помощью которого она могла создать разлом во времени и отправить Валеру туда, откуда возврата нет. Но он ощущал, что время для таких путешествий еще пока не настало.

Резко рванув вперед и обогнув уборщицу, Валера бросился к выходу.

После встречи с ней он впервые задумался о том, что начинает сомневаться в трезвости своего ума. И, быть может, все сумасшедшие истории, которые ему доводилось слышать во время долгих часов работы, стали какой-то брешью в разуме или сосудом, который где-то там, глубоко, разбился и заражает здоровые клетки.

В этот день Валера приехал на работу на общественном транспорте, потому что планировал после встретиться с друзьями и выпить пива в уютной и недорогой забегаловке. Однако из-за всех этих обстоятельств он лишь желал почувствовать себя в безопасности. Но вокруг не было людей, за которых можно было бы спрятаться. Все будто бы испарились, побросав свои разноцветные автомобили на причал в вечности. Двигаясь к условному месту встречи с друзьями, Валера обратил

внимание на переулок, обрамленный стройными рядами просторных довоенных домов.

Зайдя за один такой дом, он увидел несколько подъездов с металлическими дверями и припаркованными практически вплотную автомобилями. Валера решил перевести дух, ибо от всех этих событий у него разболелась голова. Он подошел к детской площадке и уселся на поломанную лавку, слегка присыпанную золотистым речным песком, неведь как тут оказавшимся. Под весом его тела лавка звонко треснула, но на части так и не разломилась. Валера поднял голову к небу и полной грудью вдохнул городской воздух, пропитанный промышленной гарью.

Наблюдая за пикирующими на крыши домов стаями ворон, он пытался вспомнить, как выглядела предыдущая девушка. Быть может, все эти события — всего лишь совпадение или какая-либо неудачная шутка, придуманная его же друзьями?

Он закрыл глаза и попытался найти что-то общее между двумя девушками. Волосы можно перекрасить, фигуру — подкорректировать, но их лица были

абсолютно разными.

Когда Валера вновь открыл глаза, в поле зрения попало граффити, которое он сразу не заметил. Показалось, что оно было сделано в то самое мгновение, когда он отвлекся на свои тревожные рассуждения.

— Мистика какая-то... Ну никак я не мог его не заметить... — пробубнел себе под нос Валера, встав на ноги. Он начал подходить ближе к надписи.

У Валеры было плохое зрение, отчего он щурился, пытаясь установить, что же сказано на этом отрезке стены.

Надпись гласила: «Станция пограничных исследований». По краям были расположены символы, похожие на синтез скандинавских рун и грубой арабской вязи. Валера подошел практически вплотную к стене дома и не придумал ничего лучше, чем прислониться щекой к краске.

— Свеженанесенная, — утвердительно произнес он и, чтобы окончательно убедиться в своих догадках, прикоснулся к надписи пальцами. Стена была холодной и шершавой на ощупь. Одернув руку, Валера обнаружил, что ладонь его стала черной,

будто весь день он таскал угли из потухшего костра. Салфеток и платка под рукой не было.

Буквально в трех метрах от надписи уходили вниз ступеньки, ведущие, вероятно в подвальное помещение дома. Валера аккуратно спустился, ощущая под ногами треск битого стекла. Пористые стены по обе стороны густо обросли рыжим мхом, за которым едва виднелись выцарапанные надписи. Оказавшись внизу, Валера встал напротив деревянной двери, ведущей в сплетение подвальных коммуникаций. Из расщелин тянуло теплом и сыростью.

Валера приоткрыл дверь и тут же услышал, как что-то резко побежало прочь от двери. Живое и юркое. Вполне вероятно, что это была одичавшая бездомная собака или кошка, выбравшая подвал своим укрытием... Но топот был такой, будто маленькое существо передвигалось на двух ногах. Валера зашел в подвал, инстинктивно нащупал пластмассовый выключатель, врезанный в кирпичную стенку. Щелчок — и под потолком одинокая лампочка в черном патроне осветила содержимое помещения, больше походившее на

заброшенный военный склад.

В подвале стояли плетеные и чем-то набитые округлые мешки, наполненные сыпучим содержимым. Большинство помещений было огорожено металлическими решетками и замкнуто навесными замками. В углу сидели двое детей — мальчик и девочка, которым на вид было не более семи лет.

Белокурая девочка обнимала мальчика тоненькими хрупкими ручками, усеянными то ли синяками, то ли следами от комариных укусов. А он, кучерявый как цыган, дрожал, и напуганные голубые глаза пристально смотрели на Валеру. Кажется, он иногда открывал свой рот и хотел закричать, но не мог. Смыкались губы, а взгляд его выдавал подлинный ужас и боль. Девочка же, одетая в легкое, рваное летнее платье, грозно исподлобья смотрела на Валеру. Как и следовало ожидать, первой заговорила именно она.

— Что вам нужно в нашем доме? — в ответ Валера выдавил из себя натянутую улыбку и хотел сказать что-нибудь умиротворяющее, чтобы затем подойти к этим детям. Но нет. Маленькие создания

вновь атаковали растерянного гостя.

— Вы пришли за моим братом, товарищ? — голос ее был тонким и звонким. Он совершенно не сочетался с воинствующим образом этой маленькой подвальной феи.

«Товарищ» из уст девочки звучало как призыв к сопротивлению и намек на большой подвиг маленького человечка. Услышав, что говорят о нем, мальчик начал хныкать. Под ним образовалась небольшая лужа, равномерно растекавшаяся по холодной земляной поверхности, вытоптанной тысячами сапог.

Валера замер на месте. Девочка в этот момент посмотрела на брата, и мужчина ощутил, каким сердечным был ее взгляд.

— Бедный Владик, не бойся его, — произнесла она и погладила мальчика по грязным, засаленным кудрям. Даже в тусклом свечении волосы его блестели. Мальчик разрыдался пуще прежнего.

— Папа, не бей меня, — сквозь всхлипы произнес он. Валера сделал несколько осторожных шагов по направлению к детям, но внезапно девочка превратилась в силуэт чистого света, отчего ему пришлось

прикрыть глаза ладонью и инстинктивно отступить. Еще через секунду он содрогнулся от удара по голове, который пришел изнутри, будто бы рванула шальная петарда, запрятанная в сером веществе. С треском качнулся гигантский маятник, интервалы колебания которого отсчитывали взвешенное время. А потом — лишь глаза этой девочки, которые, впрочем, можно было легко перепутать со взглядом пантеры, вышедшей на охоту в глубине тропической ночи.

Свет в подвале погас, а девочка превратилась в пятигранную звездочку, отливающую синими и красными цветами. Закружившись, она сначала приближаться к неподвижному Валере, а потом прошила его тело насквозь и ушла навывлет в иное измерение. Валера упал на земляной пол, от которого пахло мокрой грибковой плесенью. Перед тем как его сознание окончательно эволюционировало в сгустки черной вязкой материи, подавляющей любые признаки привычного существования, он подумал о том, какой же прекрасной была жизнь в его конуре.

Теперь Валера явился в новое

пространство сторонним наблюдателем. Кроме него, в грязной комнате, где из всей мебели стоял только продавленный диван, были некие невидимые существа, от которых веяло теплом. На диване лежал скулящий мальчик и смотрел в некогда побеленный потолок, похожий теперь на лунный грунт из астрономических атласов. Валера подошел к мальчику и, нагнувшись, осознал, что тело его в реальности этого юного создания отсутствует. Почувствовав неприятную щекотку в затылке, Валера понял, что это тепловые фантомы, внедренные в эту плоскость из неизвестного источника. Присутствие остаточного человеческого образа, вероятно, раздражало мозговые центры этих организмов.

Совершенно неожиданно в комнате оказалась живая уродливая женщина. Она уверенно прошла сквозь Валеру напрямик к кровати. Из всей одежды на ней были только мужские спортивные штаны. Переместившись на несколько шагов, Валера разглядывал ее шершавую кожу, усыпанную большими коричневыми пятнами, напоминавшими ржавчину.

В стороне от кровати он заметил новую

деталь — на одной из стен черной краской чья-то неуверенная рука нервным почерком вывела слово «Пустота». Ему показалось, что его сознание занесло в обитель призраков. Но в следующую секунду Валера ощутил, что сам является всего лишь призраком в мире тотальной человеческой жестокости.

Женщина подошла к кровати мальчика и, нагнувшись, принялась по-зверинному принюхиваться, словно в прошлой жизни была ослепшей дворовой кошкой.

— Вот же уродец! — вскрикнула она, отдернувшись. В комнате пахло гнилью, дешевым табаком и мочой. — Чертов уродец! — зло повторила женщина и, сжав тощие пальцы в кулак, больно ударила мальчика по животу. Несмотря на глубоко сокрытое чувство абсолютной справедливости, как-то вмешаться в эту ситуацию Валера не мог. Он молча наблюдал как от потока негативной энергии фантомы, которые до этого момента были незримыми, начали превращаться в клубы густого белого дыма.

Перевернувшись на бок, мальчик с сумасшедшими глазами начал плевать кровью на пол, устланный дырявым

линолеумом. Из красных густых пленков складывалась абстрактная мозаика, символизирующая неминуемость смерти. Тяжело вздыхая, мальчик закашлял. Фантомы же окончательно приняли форму грозовых туч молочного оттенка. Все это выглядело так, будто где-то здесь проходили разгерметизированные трубы с выхлопами из взрывоопасной смеси материализованных человеческих чувств.

Потеряв интерес к измученному ребенку, женщина развернулась, и перед Валерой предстало нечто с обвисшей и давно потерявшей форму грудью и слипшимися кучерявыми черными волосами. Губы женщины были накрашены едкой красной помадой, сильно контрастирующей с ободранными стенами, а лицом она была очень похожа на обреченного мальчугана.

— Что такое? — послышался хриплый голос кого-то наверняка смертельно больного туберкулезом. Противно заскрипел пол и в комнату вошел мужчина в поношенной выцветшей тельняшке. Его округлое глинистое лицо, окутанное глубокими морщинами, украшали черные

грубые усы, будто бы проросшие напрямиком из ноздрей. Окаймляющие подковой двойной подбородок, они напоминали поломанный трезубец, изъеденный коррозией.

— Степан! — грозно произнесла женщина. — Этот костлявый малолетний кретин опять обоссался.

— Я не виноват! — в отчаянии крикнул мальчик. Несмотря на необратимость происходящего, он надеялся избежать боли. — Оно само! Само сделалось! Не надо...

Но дядя Степа был человеком твердых убеждений. Армия, из которой он с позором был изгнан алкогольным молотом, передислоцировала его тело на улицу. В прошлом Степан командовал сотней солдат, а теперь стал никому не нужным отребьем с первичными признаками разумного человека. Забытым и опустившимся, прямо с улицы его забрала к себе измученная опостылевшим бытием женщина.

— Ничего ты не понимаешь, сынок... — будто обиженно произнес Степан и со свистом занес над мальчиком армейский пояс с бронзовой тусклой бляхой. Одним стремительным движением руки он

перевернул мальчика на живот и принялся наносить глухие удары по его маленькому телу, оставляя болезненные отпечатки кроваво-красных пятиконечных звезд. Изредка бляха попадала по дивану, и тогда раздавался глухой шелест металлических пружин, запрятанных под грубой и мокрой тканью, покрытой причудливыми желтыми разводами. Свист, глухие удары и пугающий старческий хрип мальчугана.

Валера хотел собрать всю свою волю в единое силовое поле и сделать хоть какую-то попытку изменить отвратное и чуждое будущее. Съежившись, он очень хотел поверить, что тоже может здесь кричать и чувствовать боль, уготованную невинному больному ребенку. В пик всей этой демонической пляски Валера вдруг понял, что является наполнителем тубика, который небрежно выдавливается непознанным нажатием извне. Кажется, своими сигналами он все-таки что-то спровоцировал.

Он очнулся сидящим на холодном земляном полу подвала. Прямо перед ним стояла девочка. Она смотрела на него, как на поверженного после турнира рыцаря. В ее

глазах читалась смесь презрения и удовлетворения.

— Не трогай его больше никогда, — слова звучали как предупреждение. Девочка топнула ножкой, всколыхнув пыльный покров этого мрачного места. Валера безмолвно признал, что сейчас он намного слабее ее.

Девочка подошла к напуганному мальчику и, взяв под руки, помогла ему подняться. Пока ошарашенный Валера пытался понять, что вокруг происходит, девочка обняла своего брата, и вдвоем они прошли прямо к выходу. Открыв со скрипом дверь и запустив в подвальные чертоги потоки дневного света, они растворились в городе. Поднявшись на ноги, Валера пошел вслед за ними медленным шагом, оставляя концентрат своих страхов дожидаться новых случайных посетителей этого места.

Когда он переступил через порог, ведущий на улицу, первым делом вновь посмотрел на небо. Кажется, над большим городом собиралась гроза. Скоро небесная атака из молний и водяных потоков обрушится на землю и в пространствах между домами станет совсем безлюдно и до

мерзости мокро.

Валера поднялся по ступенькам, и перед его взором предстало полное отсутствие машин во дворе, а детская площадка выглядела совершенно новой, будто только-только над ней работала бригада строителей и ушла, так и не вытерев с ее пластмассовой поверхности строительную пыль. Удрученный, он побрел вглубь двора в поисках укрытия от грядущего шторма. Где-то между двумя домами, в окнах которых не горел свет, а у подъездов валялись окурки сигарет, он заметил объект с крышей овальной формы. Под ним виднелись силуэты стоящих там людей. Ускорив шаг, Валера направился к ним в надежде прикоснуться к живым. Как раз в этот момент ударил ливень.